

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 146–168.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 146–168.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-146-168

«АННИБАЛОВА КЛЯТВА»: К ИСТОРИИ РОМАНА В. С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Юрий Геваргисович Бит-Юнан

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (РАНХиГС), Москва, Россия, bityunan@gmail.com

 Аннотация. В статье изучается история создания романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба», его рассмотрения в редакции журнала «Знамя», а затем — ареста. Особое внимание уделяется вопросу, почему Гроссман решил представить свой обличительный роман в советское издание. Ответ дается с учетом текстологии романа и биографии автора.

 Ключевые слова: В. С. Гроссман, «Жизнь и судьба», «Знамя», текстология, «дело врачей»

 Ссылка для цитирования: Бит-Юнан Ю. Г. «Аннибалова клятва»: к истории романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Философические письма. Рус-

ско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 146–168.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-146-168>.

Literature. Philosophy. Religion

“HANNIBALIAN OATH”:
ON THE HISTORY OF V. GROSSMAN’S NOVEL “LIFE AND FATE”

Yurij G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia, bityunan@gmail.com

Abstract. The article focuses the history of creation of V. Grossman’s novel “Life and Fate”, of its assessment by the editorial board of the journal “Znamya” and of its following arrest. The researcher pays particular attention to the question of why Grossman decided to submit his glaringly accusatory novel to a Soviet periodical. The answer suggested considers biographical reasons and those referring to the textology of “Life and Fate”.

Keywords: V. Grossman, “Life and Fate”, journal “Znamya”, textology, “Doctors’ plot”

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2022) “Hannibalian Oath”: On the History of V. Grossman’s Novel “Life and Fate”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 146–168. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-146-168.

Э тот роман давно переведен на европейские языки и признан классикой мировой литературы XX века. Однако читателей привлекали не только сюжет, глубина психологического анализа, политическая проблематика и публицистическая сила книги. Один из факторов, обусловивших особый к ней интерес, — ее история, полная интриг и загадок.

Считается, что история эта началась в 1960 году. Девятнадцатого декабря в редакции журнала «Знамя» состоялось заседание редколлегии. Именовалось оно расширенным: помимо работников журнала в нем участвовали еще и представители руководства Союза писателей, специально для этого пригла-

шенные. Тема — обсуждение романа «Жизнь и судьба», рукопись которого автор передал в «Знамя» 6 октября. Собравшиеся единогласно признали роман антисоветским, подчеркнув, что возможность его издания категорически исключена. Выступления участников и принятое ими решение фиксировались стенограммой [Стенограмма заседания Редколлегии журнала «Знамя» ... , 1991].

Гроссман на заседание не пришел. И всё же его неоднократно, в том числе и письменно, известили о результатах обсуждения рукописи и предупредили, что роман не должен оказаться за границей, поскольку он признан клеветническим.

Наиболее остро участники собрания критиковали образы партийных функционеров, ставших в армии политическими руководителями, а также идеологические установки романа.

Политруки в изображении Гроссмана якобы были трусливы и своекорыстны — чего, по словам рецензентов «Знамени», быть никак не могло. Но еще хуже обстояло дело с идеологией. Здесь клеветническим было признано сопоставление нацистского и советского режимов. Роднили их узаконенный террор и политика государственного антисемитизма.

Сказанного на том обсуждении хватило бы — формально — для ареста писателя. Уголовный кодекс РСФСР, принятый еще при жизни И. В. Сталина, по-прежнему действовал. Заявления Гроссмана в лучшем случае были бы квалифицированы как «антисоветская агитация», ответственность за которую предусматривалась пунктом 10 статьи 58 [Уголовный кодекс РСФСР, 1950, с. 42].

Правда, эпоха была уже другая. С тех пор, как Н. С. Хрущев прочел на XX съезде КПСС доклад, где инкриминировал предшественнику неоправданную жестокость, прошло более четырех лет. Следовательно, арест писателя был маловероятен. Однако представители руководства Союза писателей и после заседания редколлегии пытались уговорить Гроссмана согласиться с политической оценкой романа и признать, что произведения вообще не существовало. Успеха, впрочем, так и не добились [см. Из секретных архивов. Жизнь и судьба ... , 1992].

Четырнадцатого февраля 1961 года подполковник и два майора КГБ вошли в квартиру Гроссмана, предъявив ему служебные удостоверения и визированный прокурором ордер. После этого предложили выдать экземпляры крамольного романа, а также его черновики. Гроссман подчинился. Когда же обыск был завершен, он подписал протоколы¹.

Примечательно, что арест крамольного романа так и не был предан огласке. Гроссман печатался в периодике, его книги переиздавались. Умер он в

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 1–8.

1964 году, сохранив прежний статус — остался классиком советской литературы.

История же романа продолжилась. В 1975 году за границей началась журнальная публикация его глав. Еще через пять лет появилось первое книжное издание [см.: Гроссман, За правое дело. Главы ... , 1975; Гроссман, За правое дело: Отрывок ... , 1975; Гроссман, Природное стремление человека к свободе неистребимо ... , 1975; Гроссман, 1976; 1980].

О том, как сложилась судьба рукописи, подробно написал московский поэт и переводчик С. И. Липкин. Его книга «Сталинград Василия Гроссмана» была опубликована в 1986 году американским издательством “Ardis” [Липкин, 1986].

К этому времени Гроссман был уже всемирно знаменит. Липкин позиционировал себя как его ближайшего друга, однако о своей причастности к появлению заграничных публикаций не заявил.

В 1988 году роман был опубликован в СССР, и вскоре «Литературное обозрение» напечатало сокращенную редакцию мемуаров Липкина. Там о его причастности к эмигрантским публикациям также не говорилось [Липкин, 1988].

Однако в 1989 году в эмигрантской газете «Русская мысль» было опубликовано признание Липкина, что именно он стал инициатором заграничных публикаций романа «Жизнь и судьба». Еще до ареста рукописей он получил от автора один экземпляр, а позже фотокопии этого экземпляра были переданы издателям [Липкин, 1989].

В данном случае не важно, в полной ли мере предложенная Липкиным версия соответствует истине. С учетом особенностей советского литературно-политического процесса важны ответы на пять ключевых вопросов.

Первый: зачем Гроссману понадобилось передавать роман в советский журнал. Писатель с двадцатипятилетним литературным стажем, переживший сталинскую эпоху, не мог не знать, что публикация подобной книги в СССР заведомо исключена. И нет оснований полагать, будто он надеялся добиться издания, удаляя из текста фрагменты, вызвавшие недовольство цензоров. Отнюдь не случайно участники обсуждения повторяли, что никакая редакция не поможет. Гроссман не понимать этого не мог.

Второй, тоже контекстуально обусловленный вопрос: с какой целью в редакции «Знамени» проводилось именно расширенное заседание? Гроссман в 1960 году — весьма авторитетный прозаик. Его рукопись полагалось читать либо главному редактору, либо заместителю. Если же крамола налицо, к чему раздавать копии не только всей редколлегии, но и представителям руководства Союза писателей? Скандал заведомо плох. Если роман клеветнический, лучше не придавать дело огласке — а значит, чем меньше свидетелей, тем лучше.

Третий вопрос: почему арестовали только рукописи? Если уж было решено пресечь распространение антисоветского произведения, то следовало бы арестовать и Гроссмана.

Четвертый вопрос: почему старшие офицеры КГБ не стали выяснять, все ли рукописи им отдал Гроссман? Странно, что они не предполагали обмана.

Наконец, пятый вопрос, самый важный: почему Гроссман вообще написал антисоветский роман? Книгу, не только изобличающую сталинский режим, но и уничтожающую саму идею создания государства справедливости ценой людских жертв.

* * *

Казалось бы, представление романа в журнал «Знамя» — поступок и бессмысленный, и опасный. И всё же это верно лишь отчасти. Если учесть, что Гроссман планировал издание книги за границей, смысл очевиден.

Опытный писатель ориентировался на общеизвестный пример. В ноябре 1958 года Б. Л. Пастернак, самовольно опубликовавший за границей роман «Доктор Живаго», стал нобелевским лауреатом.

В СССР его книга была объявлена антисоветской, и почти тридцать лет заграничные критики спорили, уместна ли такая оценка. В 1988 году, когда «Доктор Живаго» был опубликован «Новым миром», полемика утратила актуальность [см., напр. На перекрестке мнений ... , 1990].

Но дело не только и не столько в том, что Пастернак скептически характеризовал советскую идеологию. Главным критерием политической оценки было само событие — несанкционированное заграничное издание книги.

Еще на рубеже 1920–1930-х годов правительство СССР утвердило свою монополию на издательскую деятельность. Целью было поставить литератора в полную зависимость от государственных издательских организаций. Поэтому несанкционированные заграничные публикации исключались безоговорочно. Иначе — критическая кампания и риск лишиться профессии, а значит — и заработка. При этом арест и тюрьма нарушителю вроде бы не грозят. По крайней мере это подсказывала административная логика хрущевской оттепели [подробнее см. Бит-Юнан, Фельдман, 2019, с. 579–638].

Более того, можно заранее выстроить линию защиты — как это и сделал Пастернак. Он утверждал, что свою книгу не считал антисоветской, и по этой причине не стал ее прятать. Наоборот, передал рукописи в редакции советских издательских организаций. Помимо этого, он договорился с заграничным издателем — и обеспечил таким образом законность своих действий.

Впрочем, у Пастернака был еще один аргумент — мировая известность. Благодаря ему он мог продолжать игру даже после требования ЦК КПСС предотвратить иностранную публикацию. Так, получив отказ в СССР, он обратился к издателю с просьбой вернуть рукопись для правки. Однако и издатель, и писатель заранее придумали эту уловку — подготовка романа к печати не остановилась [подробнее см. Толстой, 2009, с. 74].

Публикация итальянского перевода «Доктора Живаго» в ноябре 1957 года осталась без явных последствий в СССР. В ЦК КПСС еще не определились, какие в подобной ситуации принимать меры.

Издание книги на русском языке в августе 1958 года тоже не сразу вызвало начальственную реакцию. Всё изменилось после присуждения Пастернаку Нобелевской премии. Советское правительство не могло допустить, чтобы награжденный иностранцами нарушитель избежал наказания.

В периодике развернулась кампания дискредитации как романа, так и его автора. Пастернак был исключен из Союза писателей, но главное — его вынудили публично отказаться от премии. Считается, что масштабная травля обусловила болезнь и смерть Пастернака в 1960 году. Впрочем, Пастернак называл «Доктор Живаго» своей главной книгой и говорил, что ради ее издания готов рискнуть жизнью. Знал цену.

Действия Гроссмана показывают, что в скандале 1958 года он увидел алгоритм бесцензурной публикации своей рукописи. Для начала следовало предъявить ее советской редакции, демонстрируя лояльность, — и в это же время, или заранее, тайно отправить рукопись заграничным издателям. Ну а после издания книги автор, защитившись международной известностью, мог бы защищаться, используя аргументацию Пастернака: не считал роман антисоветским и не предполагал, что возможны негативные политические оценки.

Кстати, именно так Гроссман и оправдывался, пытаясь вернуть рукописи. Но важно, что еще в октябре 1960 года он передал на хранение один экземпляр романа своему другу юности — В. И. Лободе [см. *Vita й destino ...*, 1995].

Другой экземпляр получил Липкин — если верить ему. Правда, из его свидетельства невозможно уяснить, когда именно ему была передана рукопись [Липкин, 1989].

С другой стороны, не столько важен вопрос достоверности липкинских мемуаров, сколько свершившийся факт: передав роман в журнал, Гроссман сразу же спрятал как минимум один экземпляр для отправки за границу. Следовательно, последствия прогнозировал.

И всё же реализовать пастернаковский алгоритм Гроссман не смог. Ему не хватило времени.

Пастернака, мировую знаменитость, со второй половины 1950-х годов регулярно посещали иностранные журналисты и литературоведы. У Гроссмана же постоянных контактов с иностранцами не было — ему предстояло найти потенциального курьера, а тому — издателя.

К тому же ЦК на этот раз проявил оперативность. И Гроссман этого не мог не заметить. Первый сигнал опасности он получил в течение недели после представления рукописи в редакцию. Для ознакомления с романом советского классика главному редактору или его заместителю потребовалось бы максимум три-четыре дня. Раз не последовало ни отказа, ни согласия, значит, выбран иной вариант. Следовательно, не исключена слежка. А значит, и курьера искать бессмысленно.

Сейчас имеются документальные свидетельства, что именно так всё и было. Сведения о романе «Жизнь и судьба» поступили в ЦК КПСС заранее. От кого — в данном случае неважно. Важно, что Гроссман недооценил оперативность функционерской реакции².

Следует отметить, что и заседание редколлегии в декабре 1960 года было созвано по распоряжению, поступившему из ЦК КПСС. А там проблемы, относившиеся к области идеологии, курировал М. А. Сулов. Он в то время решал задачу, традиционно считавшуюся очень важной, — добиться того, чтобы советскому литератору была присуждена Нобелевская премия. Такое достижение способствовало бы росту государственного престижа и даже нивелировало бы недавний скандал из-за романа «Доктор Живаго».

Роман Гроссмана мешал реализации этого плана. Его публикация за границей стала бы заметным событием, затем появились бы переводы на различные языки — а затем автору, вероятно, присудили бы высшую литературную награду [подробнее см. Фельдман, 1988].

Эту вероятность следовало исключить. Необходимо было также избежать огласки — будто никакого романа никогда и не существовало. Для этого была продумана многоходовая комбинация.

Сотрудникам КГБ понадобилось немало времени, чтобы выяснить, передал ли Гроссман рукописи за границу, а если нет — собирается ли. Параллельно шла подготовка расширенного заседания редколлегии [Из секретных архивов. Жизнь и судьба ... , 1992]. Оно потребовалось Сулову, чтобы не позволить автору крамольного романа использовать пастернаковский опыт. После обсуждения рукописи Гроссман уже не мог бы заявить, будто не догадывался, что роман будет оценен как клеветнический и антисоветский.

² См.: Записки КГБ при СМ СССР о писателе И. С. Гроссмане // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 250.

Даже то обстоятельство, что Гроссман не пришел на заседание редколлегии, не имело никакого значения. Он всё равно был извещен о его итогах — значит, использовать пастернаковский алгоритм уже не мог.

Однако КГБ еще не получил точных сведений, переданы ли рукописи за границу. Поэтому всё это время Гроссман оставался под наблюдением, и донесения регулярно поступали в ЦК КПСС³.

Арест романа 14 февраля 1961 года — очередной этап интриги. Гроссман, в прошлом фронтовой корреспондент, прекрасно знал воинские звания. Поэтому не мог не понять намек: если для изъятия рукописей посланы три старших офицера КГБ, значит, операцией руководят из ЦК.

Меж тем минуло почти полтора месяца после расширенного заседания редколлегии. Сотрудники КГБ следили за эмигрантской периодикой и всеми издательскими организациями, но анонсов публикации гроссмановского романа там не появилось. Поэтому решили остановиться на аресте рукописей. С одной стороны, нет повода арестовывать автора, а с другой — необходимо продемонстрировать ему, что попытка опубликовать роман за границей будет квалифицирована как государственное преступление. Например, та же «антисоветская агитация и пропаганда», которая теперь предусматривалась 70 статьей нового УК РСФСР, вступившего в силу 1 января 1961 года [Уголовный кодекс РСФСР, 1961].

По этой причине офицеры КГБ не стали проверять, все ли копии романа переданы им. В этом не было необходимости. Реальная цель этой операции — получить от Гроссмана протоколы, где его подписью удостоверялось, что он сдал все материалы.

Если Гроссман не соврал, значит, ни одного экземпляра за границей нет. Если соврал — окажется в большой беде.

Подписав протоколы, Гроссман стал заложником ситуации. Хуже того — он стал заложником своей главной книги. Появление даже небольшого фрагмента «Жизни и судьбы» в эмигрантской печати будет поводом к началу уголовного преследования против Гроссмана. Раз текст печатается, значит, Гроссман соврал сотрудникам КГБ и сдал не все экземпляры. Родные и друзья также будут привлечены к уголовной ответственности.

Поэтому Гроссман был вынужден принять условия Суслова. Он смирился с тем, что роман при его жизни опубликован не будет. Оставалось надеяться, что рукописи попадут за границу хотя бы после его смерти.

³ Там же.

* * *

Таким образом, итог борьбы Гроссмана за свой роман известен. Неизвестно же, когда он приступил к работе над «Жизнью и судьбой».

Согласно версии некоторых мемуаристов, роман создавался около десяти лет [см., напр.: Берзер, 1990, с. 250; Роскина, 1980, с. 112]. Эту же цифру называл и Гроссман в письме к Хрущеву, написанному после ареста романа [см. Письмо В. С. Гроссмана Н. С. Хрущеву ... , 1990].

Следовательно, работа началась примерно в 1950 году. Но это маловероятно. У Гроссмана в то время было слишком много другой работы. «Жизнь и судьба» — вторая часть сталинградской дилогии. Первая же, «За правое дело», была передана журналу «Новый мир» в 1949 году. Редактирование шло более двух лет, и за это время автор представил еще с десятков редакций книги, и каждая — около тысячи страниц⁴.

С 1949 года Гроссман вел дневник эдиционной подготовки рукописи. Там он характеризовал переписку с различными инстанциями, претензии редакторов и прочие события, относившиеся к работе над романом, — от журнальной публикации до выхода первого книжного издания⁵.

Редакторских претензий хватало изначально. Так, от Гроссмана требовали, чтобы он удалил эпизоды, относившиеся к разгрому и отступлению советских войск летом 1941 года, панике и растерянности командования.

Согласно редакторско-цензорским требованиям, из романа также надлежало изъять едва ли не все упоминания об уничтожении евреев на оккупированных территориях Украины. Равным образом — уменьшить количество персонажей с еврейскими фамилиями и понизить их роль в развитии сюжета.

Особую настороженность у редакторов и цензоров вызывал главный герой — Виктор Штрум. Его тоже требовали убрать из романа, однако Гроссман отказался наотрез. Вместо этого он ввел фигуру учителя Штрума — Чепыжина. То есть поставил над евреем учителя-славянина.

Претензии редакции были обусловлены актуальными политическими установками. Так называемая еврейская тема минимизировалась цензурой еще в конце 1930-х годов, а уж в послевоенную эпоху инициированные Сталиным антисемитские кампании следовали одна за другой.

Следует при этом отметить, что Гроссман уступал не всем редакторским требованиям. У него были влиятельные союзники: А. А. Фадеев, воз-

⁴ См. Гроссман В. С. За правое дело: [редакции романа] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 9–66. Подробнее см.: [Bit-Yunan, Chandler, 2019].

⁵ См. Гроссман В. С. Дневник прохождения рукописи романа «За правое дело» в издательствах // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1.

главлявший Союз писателей, К. М. Симонов, бывший в то время главным редактором «Литературной газеты», и главный редактор журнала «Огонек» А. А. Сурков.

Они лоббировали роман, преследуя конкретную цель. Во второй половине 1940-х годов наиболее актуальным был очередной сталинский проект — создание эпопеи о Великой Отечественной войне [подробнее см. Бар-Селла, 2005, с. 226–238].

Именно поэтому Гроссмана — как одного из наиболее перспективных создателей этой эпопеи — антисемитские кампании до поры не затрагивали.

Однако у руководства Союза писателей были влиятельные противники — функционеры Отдела пропаганды и агитации ЦК партии, которым в то время руководил Сулов.

Агитпроповские функционеры тоже спешили реализовать сталинский проект. На роль автора военной эпопеи лоббировали М. С. Бубеннова, издавшего первую книгу романа «Белая береза» в 1947 году. На рубеже 1940–1950-х годов он уже готовил к публикации вторую книгу [см.: Бубеннов, 1947; 1952].

Он — как претендент на статус создателя эпопеи — лидировал и по срокам, и по объему романа. Зато его литературный уровень был изрядно ниже гроссмановского.

Агитпроповские функционеры задерживали публикацию рукописи «За правое дело» и требовали всё новых согласований в цензурных инстанциях. И всё же текст был окончательно утвержден и напечатан «Новым миром» в четырех номерах — с июля по октябрь 1952 года. Анонсировалось и продолжение [см. Гроссман, 1952].

Тем не менее нет оснований полагать, что Гроссман принялся за второй роман сразу после публикации «За правое дело». Уже в ноябре 1952 года руководство Союза писателей выдвинуло роман на соискание Сталинской премии [Сталинские премии ... , 2007, с. 433].

И первые рецензии были восторженными. Критики утверждали, что Гроссман создает именно эпопею [см.: Львов, 1952; Галанов, 1953].

Следовательно, прогнозировались книжные издания романа. Для этого потребовался бы новый типографский набор, к нему следовало подготовить материалы — работы хватало.

Однако 13 января 1953 года газета «Правда» опубликовала редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Рядом было напечатано сообщение МВД СССР о раскрытии антиправительственного заговора. На этот раз организаторы самой масштабной антисемитской кампании обошлись без уже традиционных эквивоков. Сообщалось, что преступни-

ки — «растленные еврейские буржуазные националисты» [Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей, 1953].

Руководители издательств среагировали незамедлительно. Уже 16 января 1953 года Гроссмана критиковали на редакционном совете в издательстве «Советский писатель». Еще недавно восхваляемый роман оказался крайне несовершенным. Выпуск книги стал невозможен [см. Берзер, 1990, с. 153–164].

Суслов же готовил в это время массированную атаку. Она началась 13 февраля. Задавала тон опубликованная в «Правде» статья Бубеннова «О романе Василия Гроссмана “За правое дело”» [см. Бубеннов, 1953].

Гроссману были поставлены в вину клевета на русский народ, тенденциозно-неверное изображение войны и еврейский национализм. Но главной мишенью был Фадеев. Ему и редакции «Нового мира» инкриминировались так называемые идейная слепота и беспринципность.

Редакция журнала покаялась сразу. Руководство Союза писателей — чуть позже [см.: Твардовский и др., 1953; Фадеев, 1953].

Впрочем, кампания оказалась сравнительно недолгой. Четвертого апреля 1953 года «дело врачей» было официально признано фальсификацией [Сообщение Министерства внутренних дел СССР, 1953].

Разгром гроссмановского романа прекратился. Только в мае журналом «Звезда» было напечатано несколько писем разгневанных читателей [см.: Лецинский, 1953; Добротворский, 1953; Мороховский, 1953].

Однако это уже были выстрелы вхолостую. Просто сработал закон инерции: то, что было подписано к печати, пошло в печать. Такое бывает.

Суслов к тому времени занял более низкую должность. И уже в июне, по инициативе Фадеева, руководители издательств опять предлагали Гроссману выпустить книгу.

Он по-прежнему считался классиком советской литературы — следовательно, ему полагался функционерский статус. В характеристике, выданной Гроссману летом 1953 года, было указано, что он «является членом Правления Союза советских писателей СССР, членом Комиссии по приему в Союз советских писателей СССР»⁶.

Однако и летом 1953 года Гроссман еще не имел возможности заняться «Жизнью и судьбой». Роман «За правое дело» был опубликован трижды в течение трех последующих лет. Причем это были не стереотипные издания: автор пошагово устранял цензурные искажения. Каждый раз типографский набор

⁶ См. Гроссман Иосиф Соломонович, 1905 г. р., прозаик // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 57.

делали заново — а это опять работа с редакторами, корректура и т. п. Более того, в то же время переиздавали и довоенный роман «Степан Кольчугин». Это тоже работа. Наконец, Гроссман опубликовал в альманахе «Литературная Москва» один рассказ и написал еще несколько [см.: Гроссман, 1954; Гроссман, За правое дело, 1955; Гроссман, Степан Кольчугин, 1955; Гроссман, За правое дело, 1956; Гроссман, Шестое августа, 1956; Гроссман, Тиргартен, 1990; Гроссман, Несколько печальных дней, 1990; Гроссман, Фосфор, 1990].

Поэтому лишь в 1956 году у Гроссмана появилась возможность заняться именно и только романом «Жизнь и судьба». Ранее создавались наброски, планы глав и частей.

Кстати, будучи функционером Союза писателей, Гроссман не мог не узнать о первом, 1957 года, издании романа «Доктор Живаго» на итальянском языке. И всё же подчеркну: вторая книга сталинградской дилогии была начата Гроссманом до того, как он уяснил пастернаковский алгоритм.

* * *

Мемуаристы, критики и литературоведы пытались объяснить, почему Гроссман, удачливый советский писатель, создал книгу, публикация которой была на его родине заведомо исключена. Выдвигались, по сути, две версии.

Первая — наивность всегда искреннего Гроссмана [см., напр.: Роскина, 1980; Шаров, 1990]. В основе второй — рассуждения о его реакции на постоянные гонения при Сталине и Хрущеве [см., напр.: Панков, 1988; Бочаров, 1990; Елина, 1994].

Однако мнение о наивности Гроссмана опровергается его главной книгой. Не был автор «Жизни и судьбы» наивен. Не был он и постоянно гонимым: единственная опала в 1953 году продолжалась менее трех месяцев. А потом — опять большие тиражи, гонорары и награды.

Ответ на вопрос о мотивации Гроссмана обозначен в рукописях его арестованного романа. Летом 2013 года они были переданы РГАЛИ — несколько редакций книги и черновые материалы⁷.

Гроссман сначала готовил тематические блоки, содержавшие главы романа, затем монтировал их, выбирая лучший вариант композиции. Так была составлена и самая ранняя из сохранившихся редакций.

В следующих редакциях Гроссман перемещал или вовсе изымал некоторые главы, вносил правку — и не только стилистическую.

⁷ См. Гроссман В. С. Жизнь и судьба [различные редакции романа, главы, разрозненные листы] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4.

Однако все редакции содержат сюжетную линию Штрума. Историю его опалы, а затем — триумфа и катастрофы.

Штрум — физик-теоретик, еще до войны ставший доктором наук, что тогда было редкостью. Более того, на рубеже 1942–1943 годов он совершил открытие, принципиально важное для использования атомной энергии.

Но при всех заслугах Штрум в своем научном институте — опальный. Он слишком часто конфликтует с дирекцией, дискриминирующей его коллег-евреев, и не скрывает восхищения теориями А. Эйнштейна.

Его решают уволить. Последний шанс — явиться на заседание ученого совета и публично покаяться. Штрум осознает, что его семью ждут бедность и выселение из московской квартиры — однако пойти против себя он не в силах. В назначенный день он просто остается дома.

И вдруг — ситуация радикально меняется. Опальному физику звонит Сталин и желает ему успехов в работе.

На следующий день к Штруму приходит директор института и, виновато улыбаясь, спрашивает, когда Виктору Павловичу было бы удобно приехать на работу. Безусловно, на должностном автомобиле и с личным водителем. Через несколько дней Штрум уже беседует с Г. М. Маленковым, лично.

Однако вскоре триумфатора приглашают в кабинет директора и просят подписать опровержение статьи из «Нью-Йорк Таймс». В этой статье говорится о врачах, лечивших М. Горького и осужденных еще до войны. Кроме прочего, им инкриминировано отравление пациента, что американские специалисты признали абсурдом.

Штрум совершенно убежден в невиновности врачей. У одного из них лечилась его мать. Он понимает, что его подталкивают к преступлению против совести — и всё же ставит подпись.

Казалось бы, оправдаться можно. Ведь судьбу врачей уже не изменить. Да и отказ подписать письмо — после недавней победы — и бессмыслен, и опасен. И всё же ночью Штрум осознает, что бессмысленна теперь именно его недавняя победа. И теперь произошла настоящая катастрофа: «Откуда эта ужасная тоска? Тяжесть, тяжесть. Победитель! Удивительно! В пору своей наибольшей беспомощности он, оказывается, был сильней»⁸.

Пути назад уже нет. Штрум понял, что «он плюнул на трупы замученных...». И теперь — «Всё пропало, всё рухнуло для него. Он презирал он ненавидел себя, он стыдился себя»⁹.

⁸ Гроссман В. С. Жизнь и судьба [первая редакция романа; машинопись с небольшой правкой автора] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 124.

⁹ Там же. Л. 126.

Сохранился и автокомментарий к этой главе: «Надо: подписание письма, полно все трагические обстоятельства — в нем центр тяжести». Причем слово «полно» подчеркнуто Гроссманом дважды¹⁰.

Последняя мысль, которая приходит к Штруму в ту ночь, — что жить дальше преступно. Главный герой решает дезавуировать подпись самоубийством: «Ведь в страшное время человек не должен бояться смерти... не должен бояться, если хочет остаться человеком»¹¹.

Так заканчивается история Штрума в первой редакции книги. Так завершается сама первая редакция.

И всё же позднее Гроссман изменил замысел.

В следующих редакциях Штрум планирует не самоубийство — он решает искупить минуту трусости всей оставшейся жизнью: «Каждый день, каждый час, из года в год, нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. А если в страшное время придет безвыходный час, человек не должен бояться смерти, не должен бояться, если хочет остаться человеком» [Гроссман, 1980, с. 587].

Критиками и литературоведами немало сказано о сходстве героя и автора романа. Оба — выпускники университета, один выбрал физику, другой стал химиком, первый муж жены Штрума осужден за так называемую контрреволюционную деятельность — та же история произошла в семье Гроссмана. Наконец, и у Гроссмана, и у Штрума мать погибла в еврейском гетто Бердичева.

Катастрофа Штрума — своего рода проекция аналогичных событий в жизни Гроссмана. Только произошли они не в 1943 году, а десятью годами позднее.

К февралю 1953 года антисемитская кампания достигла апогея. Распространялись слухи о готовящейся депортации евреев в отдаленные дальневосточные районы. Мотивировка — спасение высылаемых от возможной мести со стороны разгневанных неевреев [подробнее см. Шейнис, 1992].

Историки спорят до сих пор, действительно ли Сталин готовил такую операцию. Главное же, что слухи не воспринимались как беспочвенные. Но откровенно антисемитская кампания противоречила официальным идеологическим установкам — устранить конфликт должна была публикация открытого письма — «Обращения еврейской общественности» [подробнее см.: там же; Фрезинский, 2008, с. 561–563].

¹⁰ Гроссман В. С. Жизнь и судьба [первая редакция романа; черновой автограф] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4. Ед. хр. 18. Л. 31.

¹¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба [первая редакция романа; машинопись с небольшой правкой автора] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 126.

Согласно этому документу, евреи в СССР одобряли смертный приговор врачам и, отделяя себя от «буржуазных националистов», просили защиты у правительства. Это означало бы, что оно не может быть обвинено в антисемитизме.

Кандидатуры тех, кому надлежало подписать этот документ, назначались ЦК партии. Герои Советского Союза, знаменитые актеры, ученые, музыканты, художники и писатели должны были проявить солидарность с палачами. Отказаться рискнули немногие. Так, В. А. Каверин акцентировал в мемуарах, что лишь чудом избежал позора [Каверин, 1989, с. 316].

Гроссман рисковать не мог. Как отмечено выше, роман «За правое дело» бранили уже в январе.

Впрочем, Липкин предложил иную мотивировку. По его словам, назначенных для подписания документа собрали в редакции «Правды», но обращение

<...> так и не было послано Сталину, вообще оно было задумано не наверху, а оказалось, как нам потом объяснил хорошо информированный Эренбург, затеей высокопоставленных партийных евреев, испугавшихся за свою судьбу со всеми ее привилегиями. Но Гроссман, в каком-то затмении решив, что ценою смерти немногих можно спасти несчастный народ, поставил вместе с большинством собравшихся под письмом свою подпись.

[Липкин, 1986, с. 42]

Из сказанного Липкиным верно лишь одно: Гроссман поставил свою подпись. Всё остальное — ложно.

Попытка Липкина возложить ответственность за идею письма на каких-то «высокопоставленных партийных евреев» настолько наивна, что это даже озадачивает. Если бы он был прав, пришлось бы признать, что советские знаменитости послушно отправились в редакцию «Правды» по зову безымянных инициаторов. И покорно подписывали письмо, призывающее к казни так называемых «врачей-отравителей».

На самом деле все понимали, где рождаются идеи подобного политического масштаба. Именно поэтому И. Г. Эренбург обратился письменно непосредственно к Сталину, доказывая, что публикация документа вызовет за границей реакцию, обратную планируемой [подробнее см. Фрезинский, 2008, с. 570–572].

И уж, конечно, Липкину он никаких объяснений не давал. Равным образом и Гроссман ему не говорил, будто надеялся, что «ценою смерти немногих можно спасти несчастный народ». Все назначенные подписывать «Обращение еврейской общественности» знали, что это «прелюдия к депортации» [Каверин, 1989].

Прагматика истории о «затмении» очевидна. Липкин доказывал, что Гроссман, будучи всё еще наивным, ошибся в оценке позорного документа, а потом осознал свою ошибку и раскаялся.

Правда же в том, что Гроссман всё осознавал изначально: он оправдал палачей. Возможно, как и Штрум, убеждал себя, что всё уже решено и его подпись ничего не изменит. Но всё же совести он уступил. И единственной возможностью искупить вину было сказать правду о том времени, когда оставаться человеком мог лишь тот, кто не боялся смерти.

Поэтому публикация «Жизни и судьбы» была для Гроссмана не просто делом чести — это была его личная «Аннибалова клятва». Цена оставшейся жизни. Всё остальное — в руках судьбы. Отсюда и название романа.

Список источников

Бар-Селла З. Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов». М.: РГГУ, 2005. 462 с.

Берзер А. С. Прощание // *Липкин С. И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана; *Берзер А. С.* Прощание. М.: Книга, 1990. С. 121–270.

Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М. Василий Гроссман: биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М.: РГГУ, 2019. 796 с.

Бочаров А. Г. Мифы и прозрения // Октябрь. 1990. № 8. С. 160–173.

Бубеннов М. С. Белая береза: Роман [в 2 книгах]. [М.]: Мол. гвардия, 1952. 672 с.

Бубеннов М. С. Белая береза: Роман [в 2 частях]. Рига: Латгосиздат, 1947. 2 ч.

Бубеннов М. С. О романе Василия Гроссмана «За правое дело» // Правда. 1953, 13 февраля. С. 3–4.

Галанов Б. Е. Эпопея народной борьбы // Молодой коммунист. 1953. № 1. С. 117–123.

Гроссман В. С. Жизнь и судьба / изд. подгот. С. Маркиш и Е. Эткин; вступ. статья Е. Эткина. Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. 607 с.

Гроссман В. С. Жизнь и судьба // Континент. 1976. № 6. С. 151–171; № 7. С. 95–112; № 8. С. 111–133.

Гроссман В. С. За правое дело. Главы из второй книги романа // Континент. 1975. № 4. С. 179–216; № 5. С. 7–39.

Гроссман В. С. За правое дело. М.: Воениздат, 1954. 656 с.

Гроссман В. С. За правое дело. М.: Воениздат, 1955. 656 с.

Гроссман В. С. За правое дело. М.: Советский писатель, 1956. 720 с.

Гроссман В. С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210.

Гроссман В. С. За правое дело: Отрывок из второго тома романа // Грани. 1975. № 97. С. 3–32.

Гроссман В. С. Природное стремление человека к свободе неистребимо // Посев. 1975. № 7. С. 53–55.

Гроссман В. С. Сикстинская Мадонна // Гроссман В. С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / сост. Е. В. Короткова. М.: Современник, 1990. С. 394–402.

Гроссман В. С. Степан Кольчугин. Роман. В 2 кн. М.: Гослитиздат, 1955. 2 т.

Гроссман В. С. Тиргартен // Гроссман В. С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / сост. Е. В. Короткова. М.: Современник, 1990. С. 277–302.

Гроссман В. С. Фосфор // Гроссман В. С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / сост. Е. В. Короткова. М.: Современник, 1990. С. 374–390.

Гроссман В. С. Шестое августа (Рассказ) // Литературная Москва: Литературно-художественный сборник московских писателей. Вып. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 506–523.

Добротворский Н. Это не герои Сталинграда // Звезда. 1953. № 5. С. 187.

Елина Н. Г. Василий Гроссман. Иерусалим: [б. и.], 1994. 252 с.

Из секретных архивов. Жизнь и судьба. Как пытались уничтожить рукопись романа, а заодно и самого Василия Гроссмана / предисл. С. И. Липкина // Труд. 1992, 3 октября. С. 2.

Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М.: Московский рабочий, 1989. 538 с.

Лецинский Н. Еще о «философии» Чепыжина и Штрума // Звезда. 1953. № 5. С. 186–187.

Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 96–108; № 7. С. 98–109.

Липкин С. И. Рукописи не горят. Как был спасен роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Русская мысль. 1989, 5 мая. С. 8–9.

Липкин С. И. Сталинград Василия Гроссмана. Ann Arbor: Ardis, 1986. 145 с.

Львов С. Рождение эпопеи // Огонек. 1952. № 47. С. 24.

Мороховский Ю. Нечему учиться у таких героев // Звезда. 1953. № 5. С. 188.

На перекрестке мнений (фрагменты из статей и рецензий) // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака [сборник документов, рецензий и научных материалов] / сост. Л. В. Бахнов, Л. Б. Воронин. М.: Советский писатель, 1990. С. 239–264.

Панков А. Трагическое прозрение // Литературная Россия. 1988, 8 июля. С. 8–9.

[Письмо В. С. Гроссмана Н. С. Хрущеву от 23 февраля 1962 г.] // *Бочаров А. Г.* Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. С. 184–188.

Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // *Правда*. 1953, 13 января. С. 1.

Роскина Н. А. Памяти Гроссмана // *Роскина Н. А.* Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-Press, 1980. С. 99–129.

Сообщение Министерства внутренних дел СССР // *Правда*. 1953, 4 апреля. С. 2.

Сталинские премии. Две стороны одной медали: сборник документов и художественно-публицистических материалов / сост. К. А. Осеев, В. Ф. Свиньин. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. 880 с.

Стенограмма заседания Редколлегии журнала «Знамя» 10-го декабря 1960 года // С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. М.: Советский писатель, 1991. С. 41–76.

Твардовский А. Т., Тарасенков А. К., Катаев В. П., Федин К. А., Смирнов С. С. О романе В. Гроссмана «За правое дело» // *Литературная газета*. 1953, 3 марта. С. 3.

Толстой И. Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009. 493 с.

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.

Уголовный кодекс РСФСР. 1961. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=®vDoc=102021298&backlink=1&&nd=102010096> (дата обращения: 01.09.2021).

Фадеев А. А. Некоторые вопросы работы Союза писателей. Сокр. стенограмма доклада на Президиуме правления Союза писателей 24 марта 1953 г. // *Литературная газета*. 1953, 28 марта. С. 2–4.

Фельдман Д. М. До и после ареста. Судьба рукописи Василий Гроссмана // *Литературная Россия*. 1988, 11 ноября. С. 16–17.

Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак 2000, 2008. 668 с.

Шаров А. И. Из воспоминаний о Василии Гроссмане // *Шаров А. И.* Окоем: Повести, воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 398–425.

Шейнис З. С. Провокация века: Расстрелянный наркоматдел. Холодный погром на Путинках. Новое о «Деле врачей». М.: ПИК, 1992. 220 с.

Bit-Yunan Y., Chandler R. Afterword // *Grossman V.* Stalingrad / transl. by R. Chandler and E. Chandler; ed. by R. Chandler and Y. Bit-Yunan. New-York: NYRB, 2019. P. 971–1011.

Vita é destino. Il contrabbando di letteratura dal' Unione Sovietica / реж. Billstein Н.; в ролях: И. В. Новикова, Ф. Б. Губер, В. Н. Войнович, С. И. Липкин, Е. Г. Эткин; Pickup Film Köln, 1995. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pFdMYbFrII0> (дата обращения: 01.09.2021).

Архивы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

References

Bar-Sella, Z. (2005) *Literaturnyi kotlovan: proekt "Pisatel' Sholokhov"* [*Literary Pit: The Project "Writer Sholokhov"*]. Moscow: RGGU Publ.

Berzer, A.S. (1990) 'Proshchanie' ['Parting'], in Lipkin, S.I. *Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana* [*The life and fate of Vasily Grossman*]; Berzer, A.S. *Proshchanie* [*Parting*]. Moscow: Kniga Publ., pp. 121–270.

Bit-Yunan, Y., Chandler, R. (2019) 'Afterword', in Grossman, V. *Stalingrad*. Translated by R. Chandler and E. Chandler; ed. by R. Chandler and Y. Bit-Yunan. New-York: NYRB, pp. 971–1011.

Bit-Yunan, Yu.G., Fel'dman, D.M. (2019) *Vasilii Grossman: biografiya pisatelya v politicheskom kontekste sovetskoj epokhi* [*Vasily Grossman: Biography of the Writer in the Political Context of the Soviet Era*]. Moscow: RGGU Publ.

Bocharov, A.G. (1990) 'Mify i prozreniya' ['Myths and Insights'], *Oktyabr'*, 8, pp. 160–173.

Bubennov, M.S. (1947) *Belaya bereza: Roman [v 2 chastyakh]* [*White Birch: A Novel [in 2 parts]*]. Riga: Latgosizdat Publ.

Bubennov, M.S. (1952) *Belaya bereza: Roman [v 2 knigakh]* [*White Birch: A Novel [in 2 books]*]. [Moscow]: Molodaya gvardiya Publ.

Bubennov, M.S. (1953) 'O romane Vasiliya Grossmana "Za pravoe delo"' ['About the Novel by Vasily Grossman "For a Just Cause"'], *Pravda*, 13 Feb., pp. 3–4.

Dobrotvorskii, N. (1953) 'Eto ne geroi Stalingrada' ['These are not the Heroes of Stalingrad'], *Zvezda*, 5, p. 187.

Elina, N.G. (1994) *Vasilii Grossman* [*Vasily Grossman*]. Ierusalim: no publ.

Fadeev, A.A. (1953) 'Nekotorye voprosy raboty Soyuza pisatelei. Sokrashchennaya stenogramma doklada na Prezidiume pravleniya Soyuza pisatelei 24 marta 1953 g.' ['Some Questions of the Work of the Writers' Union. Abridged Transcript of the Report at the Presidium of the Board of the Writers' Union on March 24, 1953'], *Literaturnaya gazeta*, 28 Mar. P. 2–4.

Fel'dman, D.M. (1988) 'Do i posle aresta. Sud'ba rukopisi Vasiliia Grossmana' ['Before and after Arrest. The Fate of Vasily Grossman's Manuscript'], *Literaturnaya Rossiya*, 11 Nov.

Frezinskii, B.Ya. (2008) *Pisateli i sovetskie vozhdii. Izbrannye syuzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet Leaders. Selected Subjects from 1919–1960]. Moscow: Ellis Lak 2000 Publ.

Galanov, B.E. (1953) 'Epopeya narodnoi bor'by' ['The Epic of the People's Struggle'], *Molodoi communist*, 1, pp. 117–123.

Grossman, V.S. (1952) 'Za pravoe delo' ['For a Just Cause'], *Novyi mir*, 7, pp. 3–132, 8, pp. 74–228, 9, pp. 5–123, 10, pp. 128–210.

Grossman, V.S. (1954) *Za pravoe delo* [For a Just Cause]. Moscow: Voenizdat.

Grossman, V.S. (1955) *Stepan Kol'chugin. Roman* [Stepan Kolchugin. Novel] (2 vols). Moscow: Goslitizdat Publ.

Grossman, V.S. (1955) *Za pravoe delo* [For a Just Cause]. Moscow: Voenizdat.

Grossman, V.S. (1956) 'Shestoe avgusta (Rasskaz)' ['Sixth of August (Story)'], in *Literaturnaya Moskva: Literaturno-khudozhestvennyi sbornik moskovskikh pisatelei. Vyp. 1* [Literary Moscow: Literary and Artistic Collection of Moscow Writers. Iss. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., pp. 506–523.

Grossman, V.S. (1956) *Za pravoe delo* [For a Just Cause]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Grossman, V.S. (1975) 'Prirodnoe stremlenie cheloveka k svobode neistrebito' ['The Natural Desire of Man for Freedom is Indestructible'], *Posev*, 7, pp. 53–55.

Grossman, V.S. (1975) 'Za pravoe delo. Glavy iz vtoroi knigi romana' ['For a Just Cause. Chapters from the Second Book of the Novel'], *Kontinent*, 4, pp. 179–216, 5, pp. 7–39.

Grossman, V.S. (1975) 'Za pravoe delo: Otryvok iz vtorogo toma romana' ['For a Just Cause: The Excerpt from the Second Volume of the Novel'], *Grani*, 97, pp. 3–32.

Grossman, V.S. (1976) 'Zhizn' i sud'ba' ['Life and Destiny'], *Kontinent*, 6, pp. 151–171, 7, pp. 95–112, 8, pp. 111–133.

Grossman, V.S. (1980) *Zhizn' i sud'ba* [Life and Destiny]. Markish, S. and Etkind, E. (eds); Introductory article by E. Etkind. Lausanne: L'Age d'Homme Publ.

Grossman, V.S. (1990) 'Fosfor' ['Phosphorus'], in Grossman, V.S. *Neskol'ko pechal'nykh dnei: Povesti i rasskazy* [A Few Sad Days: Tales and Stories]. Compiled by E.V. Korotkova. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 374–390.

Grossman, V.S. (1990) 'Sikstinskaya Madonna' ['Sistine Madonna'], in Grossman, V.S. *Neskol'ko pechal'nykh dnei: Povesti i rasskazy* [A Few Sad Days: Tales and Stories]. Compiled by E.V. Korotkova. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 394–402.

Grossman, V.S. (1990) 'Tirgarten', in Grossman, V.S. *Neskol'ko pechal'nykh dnei: Povesti i rasskazy* [A Few Sad Days: Tales and Stories]. Compiled by E.V. Korotkova. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 277–302.

‘Iz sekretnykh arkhivov. Zhizn' i sud'ba. Kak pytalys' unichtozhit' rukopis' romana, a zaodno i samogo Vasiliya Grossmana’ [‘From Secret Archives. Life and Destiny. How they Tried to Destroy the Manuscript of the Novel, and at the same time Vasily Grossman himself’] (1992) Preface by S.I. Lipkin, *Trud*, 3 Oct., p. 2.

Kaverin, V.A. (1989) *Epilog: Memuary [Epilogue: Memoirs]*. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.

L'vov, S. (1952) ‘Rozhdenie epopei’ [‘The Birth of the Epic’], *Ogonek*, 47, p. 24.

Leshchinskii, N. (1953) ‘Eshche o “filosofii” Chepyzhina i Shtruma’ [‘More about the “Philosophy” of Chepyzhin and Shtrum’], *Zvezda*, 5, pp. 186–187.

Lipkin, S.I. (1986) *Stalingrad Vasiliya Grossmana [Stalingrad of Vasily Grossman]*. Ann Arbor: Ardis Publ.

Lipkin, S.I. (1988) ‘Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana’ [‘The Life and Fate of Vasily Grossman’], *Literaturnoe obozrenie*, 6, pp. 96–108, 7, pp. 98–109.

Lipkin, S.I. (1989) ‘Rukopisi ne goryat. Kak byl spasen roman Vasiliya Grossmana “Zhizn' i sud'ba”’ [‘Manuscripts do not Burn. How Vasily Grossman's Novel “Life and Fate” was Saved’], *Russkaya mysl'*, 5 May, pp. 8–9.

Morokhovskii, Yu. (1953) ‘Nechemu učit'sya u takikh geroev’ [‘There is nothing to Learn from such Heroes’], *Zvezda*, 5, p. 188.

‘Na perekrestke mnenii (*fragmenty iz statei i retsenzii*)’ [‘At the Crossroads of Opinions (*Excerpts from Articles and Reviews*)’] (1990) *S raznykh toчек zreniya: “Doktor Zhivago” B. Pasternaka [sbornik dokumentov, retsenzii i nauchnykh materialov]* [From Different Points of View: “Doctor Zhivago” by B. Pasternak [Collection of Documents, Reviews and Scientific Materials]]. Compiled by L.V. Bakhnov, L.B. Voronin. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 239–264.

Oseev, K.A, Svin'in, V.F. (eds) (2007) *Stalinskie premii. Dve storony odnoi medali: sbornik dokumentov i khudozhestvenno-publitsisticheskikh materialov* [Stalin Prizes. Two Sides of the Same Coin: A Collection of Documents and Artistic Publicistic Materials]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ.

Pankov, A. (1988) ‘Tragicheskoe prozrenie’ [‘Tragic Epiphany’], *Literaturnaya Rossiya*, 8 Jul., pp. 8–9.

‘[Pis'mo V.S. Grossmana N.S. Khrushchevu ot 23 fevralya 1962 g.]’ [‘The Letter from V.S. Grossman to N.S. Khrushchev dated February 23, 1962’] (1990) in Bocharov, A.G. *Vasilii Grossman. Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vasily Grossman. Life, Creativity, Destiny]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 184–188.

Pravda (1953) ‘Podlye shpiony i ubiitsy pod maskoi professorov-vrachei’ [‘Sneaky Spies and Assassins Disguised as Medical Professors’], 13 Jan., p. 1.

Pravda (1953) ‘Soobshchenie Ministerstva vnutrennikh del SSSR’ [‘Message from the Ministry of Internal Affairs of the USSR’], 4 Apr., p. 2.

Roskina, N.A. (1980) 'Pamyati Grossmana' ['In Memory of Grossman'], in Roskina, N.A. *Chetyre glavy. Iz literaturnykh vospominanii* [Four Chapters. From Literary Memoirs]. Paris: YMCA-Press, pp. 99–129.

Sharov, A.I. (1990) 'Iz vospominanii o Vasiliy Grossmane' ['From the Memories of Vasily Grossman'], in Sharov, A.I. *Okoem: Povesti, vospominaniya* [Okoyom: Tales, Memories]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 398–425.

Sheinis, Z.S. (1992) *Provokatsiya veka: Rasstrelyannyy narkomotel. Kholodnyi pogrom na Putinkakh. Novoe o "Dele vrachei"* [Provocation of the Century: Shot People's Commissariat. Cold Pogrom on Putinki. New about the "Doctors' Case"]. Moscow: PIK Publ.

'Stenogramma zasedaniya Redkollegii zhurnala "Znamya" 10-go dekabrya 1960 goda' ['Transcript of the Meeting of the Editorial Board of the "Znamya" Journal on December 10, 1960'] (1991) in *S raznykh toчек zreniya: "Zhizn' i sud'ba" Vasiliya Grossmana* [From Different Points of View: Life and Fate by Vasily Grossman]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 41–76.

Tolstoi, I.N. (2009) *Otmytyi roman Pasternaka: "Doktor Zhivago" mezhdru KGB i TsRU* [Pasternak's Laundered Novel: "Doctor Zhivago" between the KGB and the CIA]. Moscow: Vremya Publ.

Tvardovskii, A.T., Tarasenzov, A.K., Kataev, V.P., Fedin, K.A., Smirnov, S.S. (1953) 'O romane V. Grossmana "Za pravoe delo"' ['About the Novel by V. Grossman "For a Just Cause"'], *Literaturnaya gazeta*, 3 Mar., p. 3.

Ugolovnyi kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR] (1950) Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury Publ.

Ugolovnyi kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR] (1961) Available at: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102021298&backlink=1&&nd=102010096> (Accessed: 01 Sep. 2021).

Vita é destino. Il contrabbando di letteratura dal' Unione Sovietica (1995) Directed by H. Billstein, pickup Film Köln. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pFdMYbFrII0> (Accessed: 01 Sep. 2021).

Информация об авторе: Ю. Г. Бит-Юнан — доктор филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Адрес: Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Information about the author: Yu. G. Bit-Yunan — DSc in Philology, Associate Professor at the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the

Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities (RSUH). Address:
6 Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 10.05.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 10.05.2022;
accepted for publication 25.05.2022.